

ДА, ЭТО — ТЕАТР МОЛЬЕРА

«ГОД МОЛЬЕРА» — так назвала труппа «Комеди Франсэз» свой театральный сезон 1973 года. Это в память того, что триста лет назад перестало биться веселое и мужественное сердце великого основателя театра, гениального комедиографа Жана Батиста Мольера.

Мольер начал свой творческий путь с фарсов типа «Летающий доктор» и окончил его «Мнимым больным»; именно эти две пьесы и составили вечер, которым открыла «Французская Комедия» свою нынешнюю юбилейную встречу с москвичами.

Как всегда на спектаклях иностранной труппы, на порталах сцены были вывешены флаги и перед началом действия исполнены национальные гимны. И на этот раз казалось, что это не только знак давнишней дружбы двух государств и народов, но и выражение почести, которую мы воздаем тому великому драматургу, о котором уже давно сказано, что он на русской почве обрел вторую родину.

Главный театр Франции к нам приезжает в четвертый раз. Первая гастроль состоялась в 1954 году, в составе труппы блистали такие ее звезды, как Жан Ионель, Луи Сенье, Беатрис Бретти, Терез Марне, Андре Фалькон. Одним из молодых талантов театра был Жак Шарон, ныне старейший видный актер «Комеди Франсэз».

Ставшие именами участников нынешнего турне для нас новы — в основном это илема молодое, незнакомое. И тем интересней знакомиться с новейшими мольеровскими постановками театра. «Летающего доктора» Мольер написал, еще и не помышляя стать драматургом. Он был пока что только актером, познавшим сладость успеха в комических ролях и сочинявшим для себя с товарищами фарсы в народном духе. И его теперешние потомки — молодежь «Комеди Франсэз» — счастливо учуяли этот дух и преподнесли «Летающего доктора» так, будто он идет не на академической сцене, а на подмостках ярмарочного театра.

Фарс разыгрывают весельчак Сганарель (Франсис Перрэн) и шестеро других весельчаков мужского и женского пола. У всех физиономии лоснятся улыбками, голоса звучат на самых высоких нотах, тело рвется в танец, а жест — на полный разворот руки. Все кружится, вертится, хохочет, целуется и ликует. И в этой веселой кутерьме вьюном вьется Сганарель, обращающийся то в Доктора, то

обратно в Сганареля так стремительно, что кажется, эти две маски расположены по «краям» его одного прыжка. Слуга, игравший некогда Мольером, и сейчас своим «электричеством» заражает всех партнеров. Так это и должно быть: ведь исполнитель этой роли — сам увлеченный и изобретательный постановщик юношеской пьесы-шутки Жана Батиста.

А затем следует последняя комедия великого драматурга — «Мнимый больной». Та самая, в которой, играя главную роль, Мольер к концу действия, в самый разгар веселья, почувствовал острую боль в груди и через несколько часов умер. Это было 17 февраля 1673 года.

Комедия-балет «Мнимый больной» в новой постановке (режиссер Жан-Лоран Коше, исполнитель главной роли Жак Шарон) выдержана в подчеркнуто реалистических тонах. Арган живет в добротном доме; в шкафах и на полках его спальни десяток банок и склянок с лекарствами, спит он на высоком ложе с пыльным балдахинном. Легкий храп и посвистывание — признаки безмятежного, здорового сна. Этот кряжистый, толстощекий и энергичный тип корчит из себя тяжелобольного только потому, что так он поднимает себе цену, делает свое здоровье смыслом жизни всех окружающих его людей. Молитвенно обожая свое тучное тело, кlistиры, снадобы, лекарей и аптекарей, Арган Шарона давно уже загубил свою душу — он наконец отупел, потерял последние остатки разума и человечности. Контуры роли столь жестко очерчены, что такого Аргана трудно представить в тех игровых ситуациях, которые приводят мольеровского героя к «прозрению» и завершают пьесу карнавальным весельем.

В суровых и даже мрачных красках обрисованы в спектакле знаменитые мольеровские медики — Диафуарус (Рене Аррье) и Флеран (Марсель Тристан). Лишь Диафуарус-сын в исполнении Франсиса Перрэна сохраняет верность жанру: талантливый актер умеет через буффонаду высвечивать запуганную и жалкую душошку этой бледной копии своего до смешного важного родителя. Немного прибавляется веселья и после того, как черную мантию доктора надевает на себя Туанетта. Начинается ритуал обращения Аргана в сан «мудриissimi докторес, медицине профессорес». Выкрикнув в четвертый раз «клянусь!», актер хватается за сердце...

В сознании мелькает мысль: а не

зафиксирован ли перед нами сейчас роковой момент последнего выступления Мольера? И не эта ли причина, по которой режиссер притушил театральные огни и придал комедии более серьезный тон, чем того требует жанр? Финальная сцена идет в полумраке. В последнюю минуту действия высвечивается кровать с лежащим на ней исполнителем роли Аргана. Не напоминание ли это о скорбном финале вечера трехсотлетней давности?

НОВЫЙ «Тартюф» «Комеди Франсэз» также решен с бытовой основательностью — и режиссер спектакля (он же исполнитель роли Оргона — Жак Шарон), и его художник (исполнитель роли Тартюфа Робер Ирш) решили сохранить действие комедии в тех тонах, которые принято называть «реализмом XIX века». И великая комедия о Лицемере выдержала такое испытание потому, что ее исполнители внесли в атмосферу действия необходимый накал страстей, открыли большой мольеровской теме выход за пределы «домашнего происшествия».

Весьма энергично самое начало спектакля: властная, злобная, непоколебимая в своей вере в Тартюфа госпожа Пьернель (Дениз Жанс), пылкий, негодующий, готовый ринуться в бой Дамис (Жан-Ноэль Сиссиа), рассудительная и саркастическая Дорина (Франсуаз Сенье), возмущенный, энергичный протестующий Клеант (Жак Тожа) — все они сразу же направляют действие в русло идейной борьбы.

Бой становится еще ярче, когда на сцену крупным, военным шагом входит Оргон. На нем ботфорты и черный камзол с белым, монашеского типа воротником. И напоминает он какого-то капитана гвардии эпохи религиозных войн. Оргон Шарона решителен, упрям и прямолинеен. Его преданность святому праведнику абсолютна. Коронную фразу о Тартюфе: «Он человек!» — Шарон произносит как главный символ веры, а обвинения Клеанта в вольнодумстве звучат в его устах прокурорски устрашающе.

Этот Оргон лишен религиозного энтузиазма, легкой возбудимости и простодушия. Знаменитую сцену беспокойства о здоровье своего кумира: «А как Тартюф?.. Бедняга!» — актер только проговаривает, с него в это время снимают сапоги, и он прихлебывает из чашки. Почти незамеченным проходит и эпизод погони с палкой за Дориной. Да и под стол Оргон Шарона залезает не по мягкости своего характера, а лишь затем, чтоб упрямо доказать свою правоту и посрамить противника.

В таком варианте образа меркнет важная тема легковерия, пагубной склонности иных людей доверяться лжеистинам, не проверяя их раздумьями и разумным сомнением. Но бесспорно выигрывает драматическое напряжение действия: Оргон Шарона — гроза дома. И последствия его крутого

права ощутимы в той смятенности чувств, какую переживают Мариана и Валер. Через ребяческую досаду влюбленных друг в друга Николь Кольфан и Бернар Алан передают с тонким лиризмом истинную тревогу за счастье своих героев. И хоть мир между влюбленными установлен доброй Дориной, но за судьбу молодых надо бороться, и эту миссию берет на себя Эльмира.

У Женевиэв Казиль она сдержанна и сосредоточенна. Эльмира одна в доме понимает драматизм сложившейся ситуации и, преодолевая чувство гадливости, лицом к лицу встречается с врагом. Актриса наделяет свою героиню тонкой психологической проницательностью: Тартюф возмущает честную, умную женщину не только как авантюрист, грозный благополучию ее семьи, — он ей отвратителен и ненавистен как определенный человеческий тип, с которым она встречается в жизни так близко первый раз. У Эльмиры — Казиль нет ничего плутовского, наигранного; даже притворно влюбленная в Тартюфа, она сохраняет внутреннюю серьезность, и потому матерый интриган принимает ее признания за чистую монету.

Тартюф Робера Ирша — умен, дьявольски изворотлив и по-своему даже талантлив. Но это мелкий бес, ибо его мозг и воля отданы самым низким, корыстным целям. Враг он опаснейший. У этого Тартюфа маска лицемерия так выросла в лицо, что он сам терзает грань между своим притворством и правдой. Разыгрывая сцены самобичевания, Тартюф — Ирш исторгает из своих глаз потоки слез, его молитвенный экстаз так велик, что Лицемер почти готов потерять сознание. И все это должно гипнотически действовать на толпу. В такой мистической сверхвозбудимости глупая сила Тартюфа. А ее источник — в самой чувственной природе, в животной алчности этой натуры, еле сдерживающей порывы своих грубых, жадных страстей. Любовные признания Тартюфа — Ирша пронизаны энергией бешеного нетерпения, фразу: «Не грешит тот, кто грешит втайне» — он произносит так, будто сговор с Эльмирой уже состоялся и от слов надо переходить к делу.

Открывается истинная суть Тартюфа. Разоблаченный, он уже не нуждается в маске духовного наставника, слетает с него и любовный хмель. Он победил. И негодяй уже не скрывает свою грубую, хамскую душу: правда там, где сила!

В этом жуткий, предостерегающий смысл современного образа Тартюфа — демагога, раскрытого Робером Иршем с подлинным блестящим театральным сатиры...

Мы прощаемся с труппой «Комеди Франсэз» с пожеланием новых встреч.

Г. БОЯДЖИЕВ,

доктор искусствоведения, профессор.